

Сцена

Станислав ЛАНДГРАФ:

"ВОТ ЕСЛИ БЫ У КАЖДОГО ДЕПУТАТА БЫЛА ЛЮБИМАЯ ЖЕНЩИНА..."

Сцена - Санкт-Петербург - 1993 - 15 апр - с. 6

ТО, что он в Питере из самых заметных актеров, — бесспорно. То, что переиграл огромное количество разных ролей, — общезвестно. (Напомню лишь некоторые: Чехов, Подколесин, Годунов, Мюнхгаузен, Герострат, Ленки, Свердлов, Чернышевский, Рузвельт, Алексей Турбин...) То, что и лицом, и статью, и голосом хорош, — очевидно. И шарм в нем присутствует, и порою да чувствуется... Помнится, лет десять назад, когда в Театре имени Комиссаржевской весело отмечали присвоение ему звания народного артиста, я тоже принял участие в капустнике. Поздравительные вирши начинались так:

Коль ты родился не жирафом,
То сам себя скорей спроси:
Кем лучше быть: в Париже — графом!
Или — Ландграфом на Руси!..

По-всему выходило, что «Ландграфом на Руси» быть лучше. Да и после эта истина подтверждалась. Вот и совсем недавно — опять центральная роль: в «Цезаре и Клеопатре», по Бернарду Шоу...

И вдруг на днях встречаю артиста у дверей театра, в глаза у него — грустные...

— Почему такой хмурый, Станислав Николаевич?

— Потому что болит душа за то, что вокруг творится — и вообще в стране, и, в частности, в моем Питере. Не знаю, как вам, а мне теперь по городу ходить просто страшно. Если раньше любил иногда белой ночью вдоль Невы прогуляться, то нынче вряд ли решусь на такое. Какие белые ночи, если и дни уже черные... Самое печальное: я еще вроде не стар, и силы есть, и в жизни кое-что понимаю, но изменить хоть что-нибудь не могу... Существуют лишь два места, где ощущаю себя спокойно: дом и сцена. Вот и бегу поскорее по улице в свой театр...

— Давненько вы в этом театре...

— Тридцать три года.

— И, пожалуй, все это время ощущали себя тут вполне комфортно, ведь известно: Агамирзян вас ценит, любил...

— И тем не менее всякое случалось. Характер у Рубена Сергеевича был непростой, я — тоже не сахар, так что на репетициях порой схватывались. Но поскольку все это — в процессе творчества, то подобный конфликт, на мой

взгляд, может вызвать лишь уважение: есть два художника, у каждого — своя точка зрения, это нормально. Ненормально, если актер собственной точки зрения не имеет и безвольно подчиняется режиссеру...

— Ни разу не возникало желания от Агамирзяна уйти?

— Однажды возникло. Потому что долго в ту пору сидел без новой работы, а без работы мне всегда очень плохо. Вот и задумался: «Может, себя в этом театре уже изжил? Наверное, нужны новые стены, другие партнеры, с которыми открою в себе что-то новое...». Позвонил Товстоногову: «Георгий Александрович, возьмете в БДТ?». Он сразу: «Нет». Я: «Спасибо, что честно сказали...». Положил трубку, а сам думаю: «Агамирзян сегодня же про это узнает, они же — друзья, каждый вечер перезваниваются, так что — какое». Однако проходит день за днем — Рубен Сергеевич молчит. «Значит, — думаю, — Товстоногов меня не продал». Месяца через три стал Агамирзян распределять роли в очередном спектакле. Вдруг слышу: «Так тебя

надо занимать или нет?». Удивляюсь: «Почему такой вопрос?» — «Так ты же у Товстоногова хочешь работать?» — «Конечно, знал. Он мне позвонил в тот же вечер»... Потом добавил: «Ты — горшок. (Агамирзян всегда называл «горшком» того, кто, по его представлению, делал что-то не то и не так.) Товстоногов правильно сделал, что тебя не взял, — ведь он же мне не враг»... И я тогда подумал: если хочешь изменить что-то в себе, для этого вовсе не обязательно менять стены и людей, которых любишь, с которыми хорошо работаете. Самое главное, чтобы у тебя в нутри была такая потребность. А вот коли такой потребности нет, коли такого самораздражителя внутри не существует, вполне возможно творчески и умереть... Так вот сейчас к этому моему внутреннему творческому самораздражителю, увя, добавился еще и другой: имею в виду то, что происходит в стране, в городе, вокруг нас... А, собственно, что происходит? А происходит откровенное над всеми нами издевательство. Меня удивляет, что в такую пору люди вообще еще способны ходить в театр...

— Причем в вашем театре зачастую народу битком. Помню, например, как, позавис на три часа про все свои заботы, хохотали зрители на «Невесте из Парикла». Или, совсем недавно, — как бурно реагировали на «Цезаре и Клеопатре»...

— Слава Богу, подобное происходит у нас часто. Значит, театр — живой. Вот почему на сцене мне по-прежнему (в отличие от улицы) спокойно. Хотя теперь и на сцене порой в голову приходит дикая мысль: вдруг в зале сидит какой-нибудь кретин с чем-нибудь огнестрельным в кармане, а ты этому кретину не нравишься...

— Или вдруг он проведет, что Ландграф несколько лет возглавлял здесь местную партийную организацию...

— Вот-вот... Кстати, больше всего пользы моему театру я, пожалуй, принес именно тогда, когда был парторгом...

— Интересно, каким образом?

— На эту должность я вовсе не стремился. Но Агамирзян сказал: «Стас, мне это нужно. Для театра». Не доумеваю: «Зачем?». Он: «Как, зачем?! Ты молодой, симпатичный. Я помогу тебе купить модный костюм, белоснежную сорочку, отличный галстук — и мы пойдем в Смольный, к Галине Семеновне Пахомовой. Что театру необходимо в данный момент? Повысить зарплату трем актерам. Еще — выбить пару квартир. Еще — расширить помещение для репетиций... Значит, так: я тебя запускаю к Пахомовой первым, ты подготавливаешь почву, потом появляюсь я...». Так, действуя по мудрому плану Агамирзяна, мы действительно

многого добивались. В том числе — и «пробивали» некоторые спектакли. Ох, как не желал, например, обком, чтобы мы ставили пьесу Друцэ «Святая святых» — там же открыто говорилось, что в нашей стране есть фашизм. А у нас, естественно, фашизма быть не могло — как и мафии, порнографии, наркомании, проституции... Ну, само слово «фашизм» нам, конечно, вымарали, однако конфликт-то остался, и зрители все прекрасно поняли... А вот в спектакле «Синие кони на красной траве» обкомовцев бесило, что театр решил рассказать людям не столько о Ленине, сколько об идеальном руководителе, в сравнении с которым «товарищи из Смольного» (они сразу ощутили намек) выглядели неважно... В общем, «молодой парторг в модном костюме» активно помогал главежу в нелегком противостоянии. Правда, однажды я «проштрафился» и чудом не вылетел из партии. Если бы по инициативе Куйбышевского райкома я тогда все-таки вылетел, то не надо было бы спустя некоторое время, в 1991-м, мучительно решать этот вопрос самому... Помню, в какой-то пьесе действующее лицо, санитарка, говорит: «Вот я стала на принцип, и с принципа не сойду никогда!». Я же тогда, в 1991-м, «сошел с принципа», многое передумал — и теперь ни в какие партии меня на аркане не затащишь...

— Не ходите на митинги?

— Совсем туда не тянет. Впрочем, может, и плохо, что не тянет? Ведь всяко объединяются те, кто стоит на резко противоположной позиции — все эти некоммунисты, «патриоты», фашиствующие молодчики. Собирают толпы, лезут на трибуны...

— Ну у вас-то, к счастью, есть своя постоянная трибуна — театр, сцена. И пусть не впрямую не в лоб — но все-таки ваши герои могут что-то сказать людям важное, даже — «на злобу дня». Ведь так же?

— Наверное, так... Причем в разное время — о разном. Например, очень я любил спектакль «Насмешливое мое счастье», где выпало соприкоснуться с образом Антона Павловича Чехова. Часто вспоминаю эту давнюю работу, мне и сегодня, как ни странно, больше всего хочется говорить со сцены вовсе не о «политике», а именно о том, что старался тогда, в чеховском спектакле донести до зрителя: «Человек, опомнись! Ну, пожалуйста, стань человеком!». Впрочем, эту мысль стараюсь всячески выудить из каждой своей роли. Но наше время расставлет еще и свои акценты... Вот мой Борис Годунов в трилогии Алексея Константиновича Толстого — разве не дает он нынешним нашим правителям повод задуматься над такой закономерностью: любая власть, которая основана хоть на маленькой, хоть на едва заметной

безнравственности, сама становится безнравственной... А мой Герострат из спектакля по пьесе Григория Горина — разве он сегодня, когда в нашем обществе так подняли головы откровенные фашисты, еще раз не напоминает людям о том, чтобы были бдительны. Ведь зло очень опасно еще и тем, что зачастую оно — чисто внешне — весьма обаятельно и заразительно. Если бы Герострат не был таким (а я старался играть его именно таким), то разве произошли бы вокруг него все эти дикие события? Да и Гитлер тоже был не из бездарей: бездарь едва ли способен свергнуть мир в трагедию. Да и Сталин тоже умел, как говорится, себя «подать»...

— Ну а что хотите нынче сказать людям своим Цезарем?

— А мой Цезарь, считаю, вообще целиком обращен к нашему Верховному Совету. Ведь для Цезаря любовь к Клеопатре была выше, чем все государственные дела, чем все завоевания. (Правда, есть в спектакле и такая мысль: но даже любовь не прощает предательства, и тем более — убийства.) Именно это великое чувство вело Цезаря по жизни. И когда я вижу на телеэкране наши постыдные съезды, невольно по поводу мужичин-парламентариев (о женщинах умолчу) закрадывается мысль: а может, они все импотенты? Да, наверное, о любви понятия не имеют. Ведь если бы в их жизни присутствовала любовь, если бы у каждого депутата была любимая, они бы уже давным-давно плюнули на все свои склоки и дружно проводили бы совсем другую политику, главная цель которой — сделать счастливыми в этой стране всех мужчин и всех женщин...

— Судя по всему, вам это чувство знакомо?

— О, да!

— Мне рассказывали: когда вы еще жили на Манежной площади, то однажды как раз напротив вашего дома, в скверике, на закладном намне, извещающем уже сорок лет, что «здесь будет памятник Гоголю», появилась ярная, крупная надпись: «Люблю Ландграфа!». И что смейте эту яркую краску удалить лишь после нескольких обработок пожарниками...

— Было такое.

— Что ж поклонникам привечать вас есть за что: какие роли! И сколько их! Кстати, а сколько же всего?

— Скоро, после двух ближайших премьер, «Идиота» и «Кина Четвертого», открою вторую сессию... В финале «Кина Четвертого» мой герой, король Генрих Веселый, говорит, что он хотел бы умереть в театре, на спектакле, в ложе... Рубен Сергеевич собирался поставить этот спектакль, но он не знал, что точно так же случится с ним самим, что Господь Бог именно так «срежиссирует» и его собственную кончину...

— Сто ролей — это богатство. А есть такая, которой театр вам все-таки не дал?

— Есть. Сейчас репетирую в «Идиоте» Епанчина, а сам белой завистью завидую Валере Дегтярю, потому что всю жизнь мечтал сыграть князя Мышкина. Да, не Гамлета, не Отелло, не Макбета, не Цезаря, наконец, а именно Мышкина. Но тогда у Рубена Сергеевича планы были другие, и постепенно, постепенно мой поезд ушел... Зато сейчас режиссер Александр Аркадьевич Белинский дал мне надежду, что, может, скоро (тьфу-тьфу, не слгзайте бы!) получу роль Арбенина... Вообще планы у нашего театра на предстоящий сезон большие. Кроме лермонтовского «Маскарада», там — и «Дама с камелиями» Дюма, и «Кентервильское привидение» Уайльда, и «Венецианский купец» Шекспира... Правда, все эти мечты могут так и остаться лишь мечтами, если не найдутся меценаты, спонсоры, которые подсобят театру столь дорогостоящие, «костюмные» спектакли поставить. Не облачатся же моему Арбенину в униформу, пошитую на швейной фабрике имени товарища Володарского...

— А в кино вы, по моему, играли одних белогвардейцев...

— Еще школьником пришел на «Ленфильм», и там, в актерском отделе, мне сказали: «Если станешь сниматься, то, во-первых, произойдет это гораздо позже, а во-вторых, судя по твоей внешности, будешь играть белогвардейцев»... Так и вышло. Впрочем, большого романа с кино у меня пока не получилось, лишь — маленькие новеллы...

— Но зато по радио ваш голос звучит очень часто...

— Обожаю радио и тех потрясающих профессионалов в музыкальной редакции, которые мне очень помогают, — Зою Давыдову, Галину Быстрову, Маргариту Клыкову, Михаила Куделина: редкие — по нынешним временам — люди, чистые творческие буржжуи...

— Вам было по душе из ленинградца вдруг стать петербуржцем?

— Разве возможно вот так, сразу, стать петербуржцем?.. Недавно сложились стихи:

Не знаю, где искать нас надо —
В каких пределах? Чей земли?
Мы вышли все из Ленинграда,
А в Петербург мы не вошли...

— Чего, Станислав Николаевич, кроме роли Мышкина, вам сегодня не хватает?

— Телефона в квартире. А еще — маленького диктофона, чтобы дома мог наговоривать роль и сам себя слушать, проверять. А еще — собаки. Но собаку, когда уезжаю, оставить, увя, не с кем...

Беседу вел
Лев СИДОРОВСКИЙ

Фото автора